

Христос Воскресе!

№ 4(222)
апрель

2015

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЕСТНИК

С.Д. Милорадович «Приготовление к пасхе» 1910 г.

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Патриарха Московского и всея Руси **КИРИЛЛА**
архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим
и всем верным чадам Русской Православной Церкви

ственностью, славу — не призраком, но вечной молнией вечного света, все озаряющей и никого не поражающей (Слово в день Святой Пасхи, 1826 год).

С верой в Воскресение Христово неразрывно сопряжена и вера Церкви в то, что воплотившийся Сын Божий, совершив Искупление рода человеческого, разорвав оковы греха и смерти, даровал нам подлинную духовную свободу и радость воссоединения со своим Создателем. Сему бесценному дару Спасителя в полной мере причастны все мы, собравшиеся в эту светозарную ночь в православных храмах, дабы насладиться, по слову святителя Иоанна Златоуста, пиром веры.

Пасха — кульминация тернистого пути Спасителя, увенчанного страданиями и Голгофской Жертвой. Неслучайно и в святоотеческих, и в литургических текстах Христос многократно именуется «Подвигположником нашего спасения». «Образ бо дах вам» (Ин. 13, 15), — говорит Господь ученикам и призывает всех нас следовать примеру Его жизни.

Но как же мы можем подражать Спасителю? Каким может быть наш подвиг применительно к реалиям современной жизни? Сегодня, когда мы произносим это слово, в сознании людей нередко возникает образ некоего легендарного воина, исторического деятеля или знаменитого героя из прошлого. Но смысл подвига заключается вовсе не в стяжании громкой славы или обретении всеобщего признания. Через подвиг, неизменно связанный с внутренним усилием и ограничением себя, мы имеем возможность опытно познать, что есть настоящая и совершенная любовь, ибо жертвенность, лежащая в основании любого подвига, есть высшее проявление этого чувства.

Господь призвал нас к подвигу деятельной любви, запечатленной в самоотверженном служении ближним, а наипаче тем, кто особенно нуждается в нашей поддержке: страждущим, больным, одиноким, унывающим. Если этот закон жизни, который так ясно был представлен и выражен в земной жизни Самого Спасителя, станет достоянием большинства, то люди будут по-настоящему счастливы. Ведь служа другим, человек обретает несравнимо больше, чем отдает: Сам Господь входит тогда в его сердце, и через приобщение Божественной благодати меняется вся человеческая жизнь. Как

без труда нет святости, как без Голгофы нет Воскресения, так и без подвига невозможно подлинное духовно-нравственное преобразование личности.

Когда же подвиг становится содержанием жизни не только отдельного человека, но и всего народа, когда в устремлении к горнему соединяются сердца миллионов людей, готовых защищать свою Родину, отстаивать высокие идеалы и ценности, тогда происходят поистине удивительные, чудесные и порою даже необъяснимые с точки зрения формальной логики вещи. Такой народ обретает огромную духовную силу, поборошь которую оказываются неспособными никакие бедствия и враги. Ярким свидетельством правоты этих слов является Победа в Великой Отечественной войне, достигнутая самоотверженным подвигом нашего народа. 70-летие сей славной даты мы торжественно отмечаем в нынешнем году.

В скорбях и искушениях мы призваны сохранять спокойствие и бесстрашие, ибо нам даны великие и славные обетования о победе над злом. Нам ли унывать и отчаиваться! Мы составляем Церковь Христову, которую, по неложному слову Господа, не смогут одолеть даже врата ада (Мф. 16, 18), и о нас свидетельствует Божественное Откровение, предрекая, что «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр. 21, 4).

Молитвенно желаю всем вам, Преосвященные собратья архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры, силы духа и твердости в вере, мира и неоскудевающей радости о Поправшем смерть Господе. Проникаясь светом Воскресения Христова и приобщаясь тайне пасхального чуда, поделимся же нашей торжествующей радостью с ближними и дальними, всем свидетельствуя о Восставшем из гроба Спасителе.

Пусть во все дни жизни нас неизменно согревают и утешают, даруют подлинную радость бытия и вдохновляют на добрые дела пламенные слова пасхального благовестия:

**ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ
ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!**

**КИРИЛЛ,
Патриарх Московский и всея Руси
Москва, Пасха Христова, 2015 г.**

Розлюбленные о Господе собратья архипастыри, всечестные отцы, благочестивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

С радостью приветствую вас древним и во все времена новым и жизнеутверждающим победным восклицанием:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

В этом дивном созвучье поистине животворных слов — основание нашей веры, дар надежды, источник любви.

Еще вчера мы вместе с учениками Господа скорбели о смерти своего любимого Учителя, а сегодня со всем миром — видимым и невидимым — торжествуем: «Христос бо воста, веселие вечное» (Канон Святой Пасхи). Еще вчера, казалось, была потеряна последняя надежда на спасение, а сегодня мы обрели твердое упование на жизнь вечную в невечернем дне Царства Божия. Еще вчера призрак тления довлел над творением, ставя под сомнение сам смысл земного бытия, а сегодня мы возвещаем всем и каждому о великой победе Жизни над смертью.

Богодуховенный апостол Павел, говоря о значении чуда, произошедшего в ту далекую, но всегда близкую каждому христианину ночь, прямо указывает, что это событие — важнейшее для нашей веры. Ибо «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15, 14). Пасха Господня — сердцевина и непреодолимая сила христианства: она, по слову святителя Филарета Московского, творит надежду, воспламеняет любовь, окрыляет молитву, низводит благодать, просвещает мудрость, уничтожает всякое бедствие и даже саму смерть, придает жизни жизненность, делает блаженство не мечтой, а суще-

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Епископа Барнаульского и Алтайского СЕРГИЯ пастырям,
диаконам, монашествующим и всей пастве Барнаульской епархии

*Смерти празднуем умерщвление, а до разрушения,
иного жития вечного начало.*

Канон Св. Пасхи, 7 песнь

Розлюбленные о Господе досточтимые пастыри, честные иноки и инокини, боголюбивые миряне!

Приветствую вас великими апостольскими и спасительными словами:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Ныне, пройдя с помощью Божией многотрудное, но спасительное поприще Великого поста и скорбные дни Страстной седмицы, достигли мы великого и всерадостного дня Воскресения Христова — Святой Пасхи. Ликует Вселенная в эту поистине «всепраздственную и спасительную ночь», когда Сын Божий, пригвожденный завистью и злобой человеческой ко Кресту и, казалось бы, навеки сокрытый в мрачных глубинах погребальной пещеры, воскрес и своим преславным Воскресением сокрушил власть смерти и дьявола и вновь отверз верным райские врата. Опустевшая гробница, аккуратно сложенные погребальные пелены, ужас и замешательство стражи, явление Ангела стали, несмотря на попытки замалчивания со стороны книжников и фарисеев, неоспоримыми свидетельствами совершившегося Воскресения Христова. Апостолы и жены-мироносицы, избавившись от страха и смущения прошедших дней, увидели наконец своего Божественного Учителя воскресшим из мертвых и радостно устремились с этой благой вестью не только к своим единоплеменникам, но и к различным народам, пребывавшим тогда во тьме идолослужения, а апостол Андрей Первозванный дошел даже до Киевских холмов, на которых пророчески увидел великий город со множеством христианских церквей, и воздвиг на этом месте знамение Честного и Животворящего Креста.

Прошли столетия, и на этом месте действительно вырос большой город-центр самостоятельного княжества. В 988 году великий киевский князь Владимир принял судьбоносное для будущих поколений решение — всем сердцем восприняв христианское благовестие, он принял святое Крещение, а затем крестил киевлян и все остальные племена, населявшие Киевскую Русь. Выбор, сделанный тогда князем Владимиром, повлиял на всю дальнейшую историю Руси, ее культуру и искусство. Сам же князь

Владимир, оставив после себя объединенное и укрепленное духовно и политически христианское государство, отошел ко Господу тысячу лет назад в 1015 году, был прославлен Церковью в лике святых и наименован равноапостольным, подобно святому императору Константину.

Воскресение Христово — величайшее событие мировой истории, и главная мысль всего христианского благоговения. «Если Христос не воскрес, — говорит святой апостол Павел, — то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1Кор. 15, 14). Но воистину «Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1Кор. 15, 20). И потому наполнены в эту великую ночь молящимися православные храмы по всему лицу земли, и звучат на разных языках исполненные неизреченной радостью слова пасхального приветствия. В нашей епархии, которая в этом году отмечает 85-летие с момента своего основания в суровую эпоху воинствующего

богоборчества, сегодня по милости Божией пасхальное богослужение совершается во множестве городских и сельских храмов, причем значительное их число построено и освящено совсем недавно. Умножается число пастырей — неленостных делателей на ниве Христовой, и мы надеемся, что все это будет способствовать дальнейшему духовному возрождению нашей Алтайской земли.

Дорогие отцы, братья и сестры! Исполнившись ныне великой радости о Христе воскресшем, не станем погребать ее в глубинах нашего сердца, а подобно святым апостолам и женам-мироносицам, устремимся с этой благой и спасительной вестью к ближним и дальним, а особенно к тем, кто встречает Светлый праздник Пасхи в совсем не в праздничном настроении: оставленным детьми и внуками старикам, брошенным родителями детям, прикованным к постели тяжелой болезнью, лишившимся жилища и средств к существованию, оказавшимся в местах лишения свободы.

Постараемся, дорогие, сделать все, что в наших силах, для того чтобы и для них, одиноких, зачастую озлобленных и отчаявшихся, «сей нареченный и святой день» стал днем великой любви и милосердия Божия и равнодушия к ним со стороны ближних, потому что добрые дела свидетельствуют о нашей вере значительно больше, нежели множество правильных и благочестивых слов.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

СЕРГИЙ,
епископ Барнаульский и Алтайский,
ректор Барнаульской духовной семинарии
г. Барнаул, Пасха Христова, 2015 год

М.В. Нестеров
«Воскресение Христова»

АРХИМАНДРИТ СОФРОНИЙ (САХАРОВ)

БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ – ЗНАЧИТ ВЕРОВАТЬ В ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ

До пришествия Христа, Еврейская Пасха — в воспоминании исторического события: перехода чрез Черное море Израильского народа, избавленного от египетского рабства, прототипа всех прочих рабств. Христианская же Пасха есть избавление от рабства греху и смерти; переход от частных и ограниченных положений к универсальным, Божественным; восхождение от земных форм бытия к

небесным, к бессмертию. И заповедано нам совершать её в Его воспоминание (Лк. 22, 19), во Имя Его. Он — истинный центр всего мироздания — является сосредоточием нашего внимания: «Все произошло чрез Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло» (Ин. 1,3). В этом радикальное изменение характера нашего Пасхального торжества. Вся Литургия в её существенном содержании есть не что иное, как вос-

поминание о Нем, а не о каком-либо историческом факте. «Воспоминание», понимаемое как живое вхождение в сферу Духа Христа, в Его Божественном и земном измерениях. Он — смысл и свет Христианской Пасхи.

Большая часть многих, не познавших опытом благотворных действий молитвы, не знают, что чрез неё (молитву) духу человека раскрывается мир неопишемого величия: и мрачные глубины ада, и светоносные сферы небес. Без веры в воскресение едва ли не всякое страдание становится тупым: лишённым смысла; оно способно укрощать строптивую душу, но не излечивает её от скрытой на дне души гордости; оно обогащает опыт жизненный, но без молитвы не возводит душу к бесстрастию; постепенно убивает и тело, и сердце, и ум, без того, чтобы они усовершенствовались в познании Бога. Когда же прикоснётся к душе Свет высшего мира, тогда все изменяется: замирают земные страсти, и дух восходит к созерцанию Вечного. Одарённый сим благословением, человек всякое земное положение (социальное, материальное и даже научное) воспринимает как временный «аксессуар», и вовсе не заботится о своей земной карьере. И если удерживается в смиренном о себе сознании, то будет дано ему ещё большее познание о тайнах будущего века.

Быть христианином — значит верить в воскресение мертвых; надеяться на усыновление нас Отцом Небесным, получить божественный образ бытия, стать по дару любви Отчей тем, что Сам Он есть по существу, то есть Богом.

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

Поминовение усопших в Пасхальные дни

На Пасху и во всю Светлую Седмицу, ради великой радости Воскресения Христова, в храмах отменяются все заупокойные богослужения и панихиды. Для того, чтобы верующие могли должным образом помянуть усопших близких и разделить с ними духовное торжество Воскресения Господня, после окончания Светлой Седмицы, во вторник, Церковь установила особый день поминовения усопших — Радоницу.

Перед тем, как идти на кладбище, следует посетить храм, заказать панихиду, написать записку «об упокоении», помолиться об усопших.

Распространившийся же в настоящее время обычай посещать кладбища в самый день Пасхи противоречит уставу Церкви. Если человек умирает на Пасху, то его хоронят по особому пасхальному чину. Пасха — время особой и исключительной радости, праздник победы над смертью и над всякой скорбью и печалью.

В.В. РОЗАНОВ

Народный светлый праздник

Н. Пимоненко
«Пасхальная заутреня в Малороссии», 1891 г.

Снова свет, снова отдых, снова церковные службы, прекрасные, как полуночные мистерии! Снова народные ликования и весь народный обычай страны, облекший в белые одежды любимый народный день! Нельзя жить с народом, не проводя с народом именно его Праздник. И образованный класс России, в лучших его представителях десятилетия томящийся отделением от народа, разрывом духа своего с его духом, — не сделает более верного шага к слиянию, как если начнет, не мудрствуя лукаво, проводить с народом и по-народному его праздники.

А чтобы это было твердо и одушевленно, наконец, чтобы это было счастливо и весело, а не было скучно, не было только умственной «задачей» и испытанием сил, нужно образованному человеку вдуматься в существо Праздника, а затем, в частности, — вникнуть в смысл именно сегодняшнего Праздника.

У каждого человека, в том числе и ни во что не верующего, бывают горькие и сладкие дни, дни светлые и черные. И это не только по успеху в делах, но и по беспричинному настроению. «Грустится» и «что-то весело» — всем известные состояния, не всегда объяснимые. Но у нас, «безбожных», это

чередуется как-нибудь, и год наш представляет хаос, представляет вереницу, в сущности, совершенно однообразных дней, почему-то, и даже просто «ни почему», прерываемых весельем, скорее шумным, чем сладким. Это шумное веселье мало дает отдыха душе, скорее оглушая ее, нежели облегчая ее. И мы этими случайными шумными удовольствиями пользуемся только потому, что, не будучи по-настоящему трудящимися людьми, мы не нуждаемся в настоящем здоровом отдыхе, который есть прежде всего тишина и ясность.

Праздник — чистый, тихий день, в который вместе с телом отдыхает прежде всего душа.

Нельзя получить праздник, имея на душе заботу, т.е. непременно работу (душевную). Праздник — всегда беззаботен и беспечален. Это душа его, сущность его.

Подумайте же, образованные люди: как трудится весь народ. Трудится земледелец, трудится фабричный, трудится ремесленник. «Ноги гудят» у всех от ходьбы, пока мы сидим или погуливаем; «руки ломит» у всех. И душа устала, и тело в изнеможении. Это к вечеру каждого из 360 дней года.

Вот кому нужен праздник, т.е. на-

стоящий душевный покой. Он нужен тем 139 миллионам людей, кроме одного 140-го миллиона, который составляет образованный класс всей России.

Едва мы это сказали, как каждому станет тотчас понятно, чем обязано все человечество религии и церкви уже за то единственно, что она ввела в жизнь этого работающего человечества существо праздника, его идею; утвердила эту идею как незыблемый столп веры, которого никто в стране не смеет поколебать и отвергнуть; далее, распределила весь круг года на обыкновенные дни, перерываемые приблизительно на одинаковых расстояниях вот этими особо нарядными, особо убранными днями, которые и суть праздники. «Нарочно» и искусственно этого нельзя было сделать. Ну, как приказать: шесть пустых дней — работайте, а седьмой тоже пустой день — не работайте. Ничего бы не вышло. Люди стали бы шесть дней плохо работать, а седьмой день тоже немножко работать или даже работать совершенно так, как и те шесть дней, т.е. что-нибудь делать, а главное, продолжать заботиться и огорчаться. Мы, образованные люди, уже тем несчастнее народа, что у нас по существу дела и внутри души нет вовсе праздников. И наш год — убог и

черен. Отсутствие идеи «праздника» есть одна из немалых причин, распространенных именно среди образованного класса самоубийств. Нет отдыха душе, нет круглый год. Какая от этого усталость!

Но без религии совершенно невозможно установить праздников. Религия же, напротив, конкретно и выражена вся в праздниках: «Веруешь ли в праздники!» — это тождественно с «веруешь ли в церковь!», «веруешь ли в Бога!» Это торжественно и с другим страшным вопросом: «отдыхаешь ли когда-нибудь?»

Когда в это вдумается образованный человек, он почувствует, до чего он несчастен одним своим безверием.

Когда он в это вдумается, он поймет и глубокую истину, не видную только для человека, совершенно отрезанного от народа: что, как бы ни были велики несовершенства и, наконец, пороки наличного духовенства, сколько бы, наконец, злоупотреблений в наличном строе церкви, в ее порядках, учреждениях, законах, — все это совершенно тонет в ее многозначительности; совершенно перестает быть видным, значительным, несносным, если сосредоточиться на том страшно ценном, без чего нельзя обойтись, что она дает и чего ниоткуда еще нельзя достать!

Тогда образованный человек поймет священство церкви, святость церкви. Она свята не по делам духовенства и не по личным его качествам, а совершенно по другому. Духовенство может в данный век не стоять нисколько выше других классов и даже стоять ниже их; быть их темнее, необразованнее, грубее и даже порочнее. Тайна состоит в том, что это нисколько не задевает существа дела и от этого нисколько не меркнет святость самой церкви. «Святость церкви» не зависит от состояния духовенства и совершенно отделена, так сказать автономна, от каких бы то ни было его нравов. Эта «совершенная новость» для образованных классов есть необоримая истина. Неужели математика сколько-нибудь теряет в своей истине, а с истинною — теряет и что-нибудь в своем блеске и величии, если все учителя арифметики в городских училищах пьют? Разве меркнет Шекспир от того, что его играют дурные актеры? Разве скульптура, как вечное искусство, прекращается, если в наличности мы имеем одних ремесленников? Эти популярные примеры лучше всего могут выяснять существо церкви и невозможность для нее пасть, зат-

миться; могут выяснять независимость высоты церкви от нравов духовенства. Церковь свята не по делам духовенства, а потому, что она избрала такие темы для себя, над которыми никто еще не работает и не может работать и которые священны для человечества. «Почему же не может никто еще работать?» — спросит удивленно читатель. Да так уж от сотворения мира повелось, что именно религия работает над этими темами, в силу чего каждый, кто над этими же темами станет работать, в целях созидания здесь, а не разрушения, — тем самым войдет во двор религии, как бы встанет в храм религии, делается религиозным и церковным человеком. Например, кто научает или проповедует, как «хорошо проводить праздник», есть церковный человек. Религиозный живописец или композитор церковной музыки — суть церковные люди.

Но, например, Ренан или Штраус, хотя «работают над теми же темами», — не суть ни церковные, ни религиозные люди, ибо они разрушают. Разрушение здесь может быть исторично, основательно, научно: но только одним оно не может быть — кому бы то ни было нужным. Ну, какой-нибудь ученый доказал, что «такого-то чуда не было, а следовательно, и праздник, в память его существующий, надо закрыть». На деле выходит: «надо праздник закрыть». Но он был «закрыт» до Христа, «закрыт» теперь у дикарей Австралии. К чему же свелась работа Штрауса? Он установил один такой же дикий день, каких существует 360 в Австралии.

Потому всякая разрушительная работа в религии работает на дикое колесо. Она никогда и никому не может быть нужна. Религиозный критик всегда есть дикарь.

А вот что-нибудь создать здесь — есть дело истинной культуры, просвещения своего народа, облегчения своего народа. Потому что свята вся эта область, священна она по темам своим. Она ткет золотое покрывало на историю человечества, без коего человечество было бы безобразно; и ему всему было бы холодно, неудобно, оно бы все изголодалось и щелкало зубами.

Выдумать праздник невозможно; праздник — в существе души. Праздник есть — прежде чем он объявился, утвердился.

Поняв существо праздника как облегчения души, образованный человек уже без труда поймет смысл сегодняшней Святой Пасхи.

Это — великая мистерия сознания

грехов своих, «по-образованному» — слабости своей души, нагара в ней тщеславия, гордости, зависти, злоумышления, грубости, бесчувствия к другому, жадности; сознание не «впустую», не в подушку, легонькое — а с рассказом всех этих «слабостей» другому, естественно, — тому, кто и придумал все это, ввел все это, сознал всего этого необходимость, — т.е. священнику. Священник есть выразитель и представитель церкви, а только церковь придумала и ввела это, утвердила это как народный закон. «Образованные люди» этого не утверждали и не открывали. Естественно, не «им» и каются, а каются — перед священником, в слух его, но — Богу. Так придумано. Такова тема церкви. Никто другой над этим не работал: потому если есть «слабости» у образованного человека, — то и ему не к кому с ними серьезно пойти, как все-таки — к священнику. Но пусть он идет или не идет, а народ ходит. И кроме того, чтобы это было серьезно, он семь недель поста более серьезно жизнью, более сдержанным поведением подготавливается к тому, чтобы «все рассказать», «всю подноготную» в слух живого, смотрящего ему в глаза человека. Очень трудно, если бы по личному недостатку духовенства и неустроенности, неорганизованности всего дела духовенство не свело этого к шаблону, форме и одному равнодушию и косности. Но «духовенство грешно, а церковь свята»: самое-то учреждение, самое таинство покаяния остается неизъяснимо велико! Велико исторически, велико психологически!..

И священник словом Христа отпускает вину. Отпускает по точному заповеданию Спасителя — «не нарушив йоты».

Отпускает потому, что за этот твой грех, за слабости всего человечества Христос пострадал и умер!

И воскрес — чтобы победить этот грех, изгладить слабости.

Гто миллионов православных, вся страна одевается в белую одежду... И к Светлой заутрене все пришли с такой душой, как бы ни у кого не было грехов!!!

Кто это сделал? утвердил? научил? Церковь.

А вы говорите, что духовенство «попивает». Но как ученых, съехавшихся со всего мира на конгресс, столица «угощает» обедом, раутом: то, приближая к этому в целях объяснения, позволено сказать, что народ за одно

благоденствие этого облегченного дня, перед идеей которого что же значат все идеи математики или механики, мог бы «своему милому духовенству» устроить такой пир, поднести ему такого вечного вина, которое упоило бы его, упоило и насытило до пресыщения. Эти сравнения понятны, и понятна их основательность. Но поистине если слабо, то и невзыскательно духовенство. В Светлую заутреню оно, говоря:

— Христос воскрес!

Ждет только, чтобы народ сказал ему умиленно, радостно, весело:

— Воистину воскрес!

Хорошо это. Хорошо в народе, в религии, в церкви. Ах, как бы плакало все образованное общество о себе, если бы знало, чего оно недополучило и недополучает! Если бы оно хоть глазком

заглянуло, как сегодня весело у всех на душе, кто хорошо подготовился в пост, хорошо поговел и вот сегодня «разгавливается». И если бы оно еще знало, а если знает, то вдумалось, что как будто для него, для русского неверующего человека, сказаны дивные слова Иоанном Златоустом, столь дивные, что на всем Востоке они 1300 лет повторяются в каждую заутреню и обедню Светлого Воскресения:

— Придите все сюда в этот День! Придите без смущения, — придите поздно! Придите в десятый час, придите в одиннадцатый час! Придите последними, придите, когда все кончилось, — нет разделения ни с кем, и вы будете у нас как пришедшие в первый час, как самые ранние!

По объединяющему смыслу, по

морю любви в этом слове оно одно до того универсально, оно до того исторично-созидательно, что перед одним этим звуком, неумолчно год из года повторяемым, все «социальные реформы» просто солома и палки, полиция и принуждение, мундир и бессилие и прямо ничто.

Вот религия!

И вот почему церковь — свята.

Перекрестимся, православный народ. Больше всего перекрестимся за то, что у нас есть церковь, что мы — религиозны. И красное яичко у каждого за пазухой, и колокола звонят. И все — слава Богу. А главное и во-первых, что — Христос воскрес!

Христос воскрес, добрый читатель! Христос воскрес, вся Русь!

1911г.

АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (РОЗЕНБЕРГ)

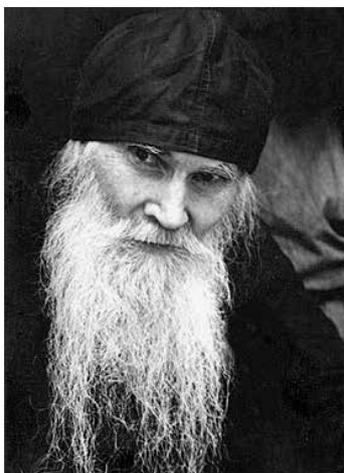
ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

О БОГЕ И ЧЕЛОВЕКЕ В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ

Архимандрит Серафим (Розенберг) (1909-1994) — старец Псково-Печерского монастыря, более 60-ти лет подвизавшийся в этой древней обители. Мало кто слышал его голос, потому что он чаще всего молчал. Мало кто видел его глаза. Он ходил всегда, опустив голову к земле, и даже благословлял так, не поднимая взгляда.

Он был настоящий барон из остзейских немцев. Получил великолепное образование, знал несколько языков. Ему было больше 80-ти, но он спокойно, без словаря читал журналы по-немецки и по-английски. Память его была великоленной. Однажды к нему подошел старичок, сказал, что они учились с ним вместе в гимназии в начале 20-х годов. «Знаю», — перебил его о. Серафим и тут же назвал его имя и фамилию.

Он был духовным сыном преподобного Симеона Псково-Печерского. В первый год своего

пробытия в обители, он получил послушание от духовника: сметать дубовые листья с крыши Успенского собора.

Успенский собор пещерный и над ним, на святой горке, росли несколько древнейших дубов, которые и покрывали осенью всю крышу своими листьями. О. Серафим исполнял это послушание до самой старости. Обвязывал себя веревкой, брал метлу и довольно ловко передвигался по крыше.

Последние лет 50 он вообще не выходил за ворота обители. Он нес послушание ризничного, а посему всегда носил на себе огромные тюки с облачениями — из Михайловского в Сретенский, из Успенского в Михайловский храмы. Кто был в Печорах, тот знает, что монастырь расположен в овраге, а потому одни храмы находятся внизу, другие вверху, так что подниматься или опускаться до них и с пустыми руками непросто.

Откуда все в мире началось? Откуда насекомое, не учившись ничему, все потребное для себя знает? Каким образом из яйца — птица? Из зерна — дерево? Из земли однообразной — тысячи форм растений и цветов? Земля висит, движется — кто двинул ее? А день и ночь — какой порядок, послушание, служба живущим — смена времени для работы и отдыха! Почему это твердо и непреклонно: что за осенью будет зима, и так — каждый год? А красота, польза, порядок, мудрость (даже и в микробе), послушание установленным законам! Чьей волею вся природа живет? Кто управляет всем миром?

Бог.

Он сотворил светила велия... солнце во область дне...

луну и звезды во область нощи (Пс 135, 7-9). Без Него — мы слепы. Вот — величие ужасное Божие.

Для чего все это сотворено? Для славы Божией.

Почему Бог дал все на земле во власть человеку — ни за что? Почему и я должен ходить по земле, есть, думать, родился, умру? Так — Он, Бог, хочет.

Человек, как и прочие животные, был сотворен Богом, но в него Бог вдунул дыхание жизни — от Себя нечто дал ему.

Бог — Дух, Сама Жизнь, всему дает жизнь. Кто не верит в Бога и Богу — ослеплен диаволом — через свою свободную волю.

Если бы не держал Бог волею Своею мир — все исчезло бы, смешалось, рухнуло; Он — Царь.

Если бы не промышлял о мне Бог — я был бы растерзан врагом.

Думай: о судьбах Божиих я ничего не знаю. Но, при этом помни, что мы всегда под крылом Божиим. Яко чуждией восташа на мя, и крепцыи възыскаша душу мою, и не предложиша Бога пред собою. Се бо, Бог помогает ми, и Господь заступник души моей (Пс 53, 5-6).

Спроси себя: почему у меня есть возможность спастись от вечной муки? Потому что Иисус Христос, будучи неповинен, за меня пострадал и умер. Он — Всемогущий — волею перенес унижения, страсти, смерть, хотя и мог уничтожить моментально всех грешных — восставших на Него; но Он стерпел всех — ради меня грешнаго.

Ныне — день Спасения — венцы готовятся.

Иисус Христос умер за души наши; не лучше ли и нам умереть за душу свою, чем преступлением заповеди погубить ее?

Помни: меня ради Христос умре, меня — окаянного. Облещѣтесе Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти (Рим 13, 14).

Это мне сказано Богом в Евангелии: Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть (Мф 5, 48). Без помощи Божией сие, конечно, не возможно: Без Мене не можете творити ничесоже (Ин 15, 5). Но Господь Сам научит нас всему: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Мф 11, 29). Следовательно, все сие возможно; лишь бы мы сами пришли ко Христу: Приидите ко Мне вси труждающияся и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф 11,

28). Блаженство есть — работать Господу милостиву.

Призван ты и сам уподобиться Христу, стать царем; только не забывай молиться о мудрости и крепости, и помни, что ты — орудие в руках Божиих. Он дал дело, цель тебе — дасть и сил, но оставайся при смирении. На ся понадеешься — осрамишься, согрешишь, повредишь себе много.

Великое призвание у тебя — царское. Но помни: кому много дано, с того много и възыщется. Чем более приближаешься к Богу, тем более видишь себя грешным. Старайся более всего благоугождать Богу.

Господь Бог — Мать родная, породившая мя: Его волю да творю — премудрую и спасительную, а не волю «мачехи» — диавола, ищущаго моея погибели, — да не оскорблю любовь Божию.

В мире владычествует дух антихристов и торжествуют его носители. Но в нас пребывает Дух Божий: Вы от Бога есте, чадца, и победите тех: яко Болий есть иже в вас, нежели иже в мире (1 Ин 4, 4).

Помни: мирские красота и сладость — ложные; умрет тело твое — обратятся они в гной. Бог — Источник всякой подлинной красоты и благ, Его люби. Сотворен ты Им и в Его благодеяниях, как в одежде, ходишь; Его благодари и славь, помни наготу свою.

И покаяние — тоже дар Его тебе.

Земные блага — честь, богатства, красота, сладости — это обманные блага, потому что со смертию они кончаются, не удовлетворяя совершенно ими пользующихся. Это блага, дающие радость лишь на момент, а затем приносящие только горечь, греховное желание, беспокойства. Враг титится прельстить ими душу, да отвратившись от истинных благ, погибнет человек на веки. Господь прямо открывает, что узкий путь — самоотвержение, пост, смирение — ведет в вечное блаженство; Он предлагает нам прямо противоположные внушения сатаны — себялюбию, объядению, широкому пути, лени, беспамятству, и прочему.

Знай: в начале пути ко Спасению нужно прежде всего разобраться в себе — в собственных страстях.

Помни при этом: всегда открыто пред Богом — помышляемое тобою, Он — здесь.

Бог знает мя лучше меня самого: зрит Он не лице мое, но зрит ум и сердце выну.

Люди лице видят, Бог же — сердце.

Каково сердце твое, которое Господь знает лучше тебя самого? Очищай его: сердце чисто созижди во мне, Боже (Пс 50, 12), сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит (Пс 50, 19). Сердцем веруй, что жив Господь и пред тобой выну; сердцем веруй, что мы, люди — Его тварь; сердцем веруй, что, когда умрем, узрим Его — если будем чистыми сердцем.

Помни: все Богом сотворено — дано в управление тебе, ничего твоего у тебя нет, и сам ты — не свой. Живешь еще пока по милости и долготерпению Божию — так и не тщеславься, а плачь выну. Думай: блудник невоздержанный я, а не целомудренный; плачь.

Взор обращай долу (яко земля еси, и в землю отыдещи (Быт 3, 19)), а душу — горе. Зде, на земле — на чужбине она... Там — горе — ее отечество. Мысленные очи наши должны быть к Богу устремлены. Душа — природы духовной, как и Бог, и потому, очищенная от страстей, суеты, может зреть Бога — всегда.

Но невозможно тебе это без благодати Божией. Благодать — невидимая сила Духа Святого, помогающая во всем добром и хорошем нам. Благодать Божия делает человека способным творить добро.

Иисус Христос прежде начал творить дела, а только потом учить — яже начат Иисус творити же и учити (Деян 1, 1). И ты начинай с добродетели. Ведь вера без дел мертва есть (Иак 2, 20): борись, кайся, надейся на заслуги Иисуса Христа — получишь милосердие по своей смерти.

Левой рукой борись, правой — за Божию полу держись. Будет всегда то, что даст Бог.

Исполняй заповеди. Первая заповедь и главная такова: всегда помнить Бога и Его святую волю, ни в чем не преступать ее, поучаться в ней всегда, все терпеть в надежде на Него со смирением, то есть считая себя достойным худшего, считая себя за ничто пред Ним и много виноватым; всюду понуждать себя на исполнение заповедей; о грехах плакать, не забывая их, но с твердой надеждой на милосердие Божие — на заслуги Иисуса Христа и заступление Божией Матери. Нужно любить ближнего как себя: что себе желаешь, того и ему желать; чего себе не хочешь, не желать и ему, — не глядя на лица.

Господь дает тебе все — и ты дай просящему; причем не жди от него возврата; следует победить сребролюбие, страсти к вещам — ради вечного блаженства.

Надо все делать со всем усердием, успех же дела предать в руки Божии. Нужно спастись своими трудами, но с Божией помощью!

Держава Господь боящихся Его (Пс 24, 14). Главное в деле Спасения — помощь Божия, но как ее получить? Искать сокрушения сердца, покаяния, смирения — близ Господь сокрушенных сердцем (Пс 33, 19), а смиренным... дает благодать (1 Пет 5, 5).

Смиренным несением жизненного креста спасается человек; Бог же, призываемый на помощь, даст сил. Проси помощи у Бога, терпи — вдруг ничего не дают — потрудись сперва.

Надо понуждать себя на труд, на воздержание, на терпение оскорблений, болезней, на смирение, на страх Божий, а не на малодушие, на веру, надежду, любовь, на целомудрие (неправедницы Царствия Божия не наследят (1 Кор 6, 9); всяк блудник... не имать достояния в Царствии Христа и Бога (Еф 5, 5)), на молитву, на память смерти, суда, вечности мучений, блаженства (как награды от Бога). Грехи ведь твои записываются — по правосудию Божию. Дар Божий нам — время на покаяние.

Рот три легких правила в совершении дела Спасения: читай заповеди из Евангелия, исполняй их — по мере сил, и молись Богу о том, чтобы правильно понимать читаемое и исполнять его.

Не были бы и заповеди даны, если бы исполнять их было невозможно — с Божией помощью. До крови нужно трудиться в исполнении заповедей.

Предайся воле Божией: мое — злое, все же доброе — Его; здесь необходимы сыновняя любовь к Богу и доверие Ему до конца, совершенный отказ от самого себя; я — бессилен, я — орудие добра.

Удивительное безумие — создание не желает знать Творца, возносится над Ним. Это — прелесть бесовская: когда мне кажется, что я что-то значу, что-то сам по себе делаю доброе. Един Бог есть — Он все, все восполнит. Если я даже и все заповеди исполню, то и тогда я тоже — ничтожество, ибо и сие исполнение дал мне Бог — как дар; я же служил Ему орудием — но через согласие воли своей; ведь весь состав мой, сила ума, чувства, тело — все Им создано — Его.

Тщеславишься? Вспомни, что сказал Господь: без Мене не можете творити ничесоже (Ин 15, 5). Слава Святым — Бога, в них прославившегося, славим (Дивен Бог во Святых Своих (Пс 67, 36)); они — блаженные орудия славы

Божией (и, по отношению один к другому, — люди — те же орудия в руках Божиих). «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование... силе Твоей слава, Человеколюбче».

В книге Притч сказано, что Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Притч 3, 34). Немощи свои надо признать во всем и нести смиренно, прося Бога о помощи: сила бо Моя в немощи совершается (2 Кор 12, 9). И тогда прославится Бог в тебе. Только не возносись, не высокоумствуй, все доброе приписывай Богу; ведь сам знаешь свою низость, ничтожество, немощь. Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех (Мф 5, 16).

фото В. Орлова

Доброе Бог творит чрез тебя. Все доброе во мне — от Бога; мысли добрые — от Духа Святаго, Им научен и Святыми Отцами.

Хорошо, что исправил доброе дело, помолился, победил грех. Не приписывай этого себе, и проси прощения у Бога, если в сем согрешил, но говори так: «Слава Тебе, Господи, за сие — Ты вразумил меня и мне помог». Говори: «слава Богу, давшему сие»; ведь все — Его, от Него, чрез Него, Им.

Господи, знаем, что в деле Спасения нашего всегда бывает так: усердие наше, но дело — Твое; труд наш, но благодать — Твоя; тщание наше, но совершение — Твое.

Из книги
«Архимандрит Серафим.
Мы всегда под крылом Божиим»

ИННА САПЕГА

Бабушкина история

Бабуля, а расскажи нам что-нибудь! Когда закрылась дверь за родителями, девочки окружили бабушку.

— Что папа с мамой сказали? Умыться, переодеться и марш в кровать. — строго проговорила бабушка.

— Но ведь Пасха!

— Вот именно — сегодня Пасхальная ночь.

— Ну, бабушка, а ты расскажи нам Пасхальную историю! — не унимались девочки.

Бабушка вздохнула, пряча улыбку, и сдалась:

— Хорошо! Расскажу вам кое-что, только — добавила она — когда вы будете уже в своих кроватках.

Бабушка была большой мастерицей рассказывать: её истории всегда завораживали и увлекали. Потому Клаша и Дуня быстренько умылись, надели свои пижамы и прыгнули по кроваткам.

— Мы готовы! — крикнула Дуня.

— Ис-то-ри-ю! — затараторила Клаша.

— Ишь какие! — улыбнулась бабушка, войдя в комнату. За ней с хитрой мордой следовал кот Базилио.. — Готовы... историю... Что же слушайте, есть у меня для вас одна история.

Бабушка выключила в комнате большой свет и зажгла ночник. Затем села поудобнее в кресло, закутавшись в теплую овечью шаль. Кот запрыгнул ей на колени. Бабушка почесала ему за ухом и начала свой рассказ.

— Когда я была маленькой девочкой, мы жили в деревне. Жили мы хорошо, но началась война, и папу моего отправили на фронт. А нас у мамы уже двое было — я, да мой братишка — деда Вова. Мне-то тогда было восемь

лет, а Володе всего три годика. Тогда, девоньки, было такое время, непростое, в Бога никто не верил, храмы рушили, вот и у нас на хуторе стояла старая заброшенная церквушка. Купола у неё не было, а на крыше зеленела трава и даже выросла тоненькая березка. Никто туда не ходил, только мы, детвора, лазали в неё тайком от взрослых.

— Тайком! — протянула Дуня и подмигнула Клаше.

— И вот мамке нашей пришло письмо, — продолжала бабушка. — мама открыла его и вся побледнела. Нам, детям, она ничего не сказала, но я чувствовала, что в письме написано что-то страшное, что-то, что касалось нашего папы.

— Что он погиб на войне? — спросила Дуня.

Бабушка пожала плечами.

— Я подумала, что папа погиб. Но мне хотелось быть сильной, чтобы маму поддержать и Вову не пугать.

Потому рано утром я уходила в церквушку, залезала по шаткой лестнице на колокольню и там, скрытая от всех полуразрушенными стенами, предавалась наедине грустным мыслям. Однажды, весной, я сидела в своём тайнике и вдруг услышала чудный звук — будто звонили колокола. Я встала, сделала шаг и вдруг провалилась вниз... резкая боль охватила мою лодыжку. Я поняла, что я сильно ушибла ногу, может быть, даже сломала её.

Сначала я сильно разревелась, но потом успокоилась. Я сидела на замохлелом полу и размышляла, что делать дальше, как звук колоколов снова послышался, такой радостный. Я повернулась и остолбенела: в дверном проеме храма стояла скрюченная фигура.

Клаша широко раскрыла глаза.

— «Девочка, что ты тут делаешь?» — услышала я скрипучий

старушечий голос. Я вздрогнула: это была Тимофеевна — одинокая старушка, которая жила на краю деревни. Она считалась у нас странной: она всегда носила черный платок и постоянно чего-то шептала. Я перепугалась не на шутку. Честно говоря, я боялась её — какие только толки не ходили о Тимофеевне, она слыла чуть ли не колдуньей в деревне.

«Я упала!» — сказала я. — кажется, ногу ушибла.

«Покажи.. .»

Я нехотя спустила свой носок, и Тимофеевна осмотрела мне ногу. Затем она достала из-за пазухи какую-то глиняную баночку, что-то прошептала и помазала мне ногу маслом из этой баночки.

— Да, это простой ушиб. — сказала она. — Но ногу надо крепко перевязать, вишь как она у тебя опухла... Пойдем ко

мне, я тут не далеко живу, я тебя и чаем угощу и ногу перевяжу... А потом позову твоих, чтобы тебя домой отнесли. Я очень боялась идти к Тимофеевне, но делать было нечего.

Еле-еле мы доковыляли до её лачуги. Странное дело: Тимофеевна выглядела такой немощной, но когда я опиралась на неё, она оказалась довольно сильной и выносливой.

— А чем вы мне ногу помазали? — спросила я её, после того, как она перевязала мне ногу и напоила меня травяным чаем с малиновым вареньем.

— Маслом от иконы святого Пантелеймона, у тебя скоро заживет.

— А правда, что вы — колдунья? — вырвалось у меня.

— Нет, что ты? Я в Бога верю! — она широко перекрестилась.

— Но Бога нет!

Старушка ничего не ответила, лишь кротко улыбнулась мне. И что-то такое было в её улыбке, что мне стало совестно.

— А что вы в храме делали?

— Сегодня, девонька моя, Пасха Христова, Светлое Воскресение! Я и пришла помолиться.

Тимофеевна кротко улыбнулась, опустила глаза, затем встала и вышла в сени. Скоро она вернулась, неся в руках круглый пирог да два красные яйца.

— Ого — сказала я. Я никогда до этого не видела крашенных яиц.

— Я знаю, девонька, что и ты крещенная. Тебя бабка Аксинья крестила. Мы с ней дружили... Покушай вот куличика и яицек.

Пирог оказался ароматным, сдобным, он словно таял во рту.

— А ты что в храме делала? — спросила Тимофеевна.

Я взглянула на неё и призналась:

— Нам пришла повестка...

— Батя? — догадалась она.

— Да...

Некоторое время Тимофеевна молчала.

— А ты Богу молись. Молись. Вишь-как, это Он тебя к Себе в храм привел, ты и молись Ему, авось, Он поможет. Он ведь Сам воскрес.

— А как это — молиться?

Тут Тимофеевна мне и рас-

сказала о молитве. Я стала молиться. А осенью вернулся наш батя. Его контузило, и долгое время считали, что он погубо. Но он был жив и вернулся к нам.

— А Тимофеевна? — спросила Клава.

— Я подружилась с ней. Бегала к ней каждый день. Она учила меня разному, молитвам, вере, а ещё объясняла какие травы лечебные. Вообще, она много чего знала. Мне было с ней очень интересно. А затем она исчезла. Ушла. Говорят, она почувствовала ско-

рую смерть и пошла в село, где жил тайный священник, ища последнего напутствия. Там, видно, она скончалась и обрела свой покой.

Бабушка закончила свою историю и замолчала, вспоминая прошлое. Базилио громко мурлыкал у неё на руках.

— А теперь всем спать! Завтра в храм пойдём.

Но девочки спать не хотели:

— Бабушка, а ты из-за Тимофеевны и стала врачом?

— Да, благодаря ей и стала.

— А как твои мама с папой относились, что ты дружишь с той старушкой?

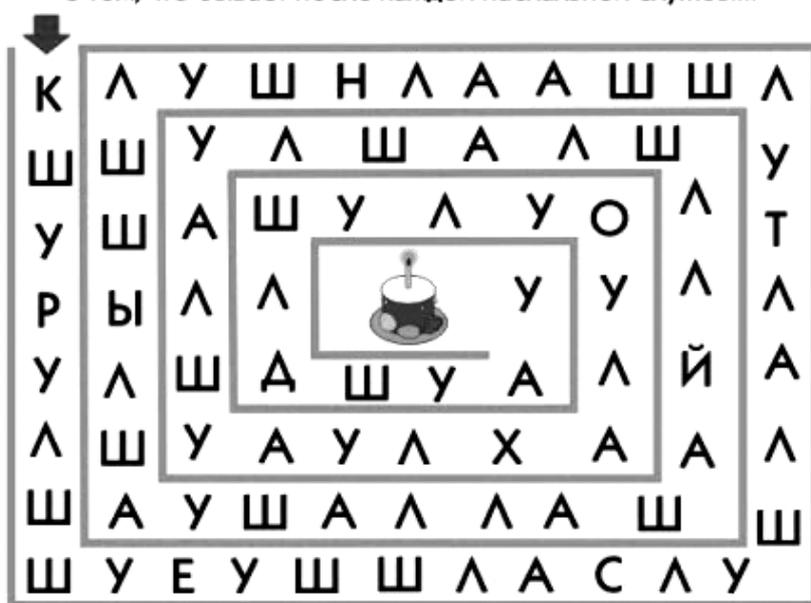
— Ну, папа после войны сам верующий стал. Мама за ним потянулась. И про нашу дружбу с Тимофеевной я им всё рассказала. Потом мы с мамой ходили её навещать.... Ну и хитрые вы, лишь бы не спать! — опомнилась бабушка, встала с кресла и выключила ночник. — Спокойной ночи.

После такой истории вряд ли крепко заснешь. Всю ночь девочкам снились разрушенные храмы, коты и скрюченные бабушки. А на утро была Пасха.

Омилия.org

НА ДОСУГЕ

Вычеркни все буквы Ш, Л, А и У и прочитай в лабиринте о том, что бывает после каждой пасхальной службы...

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Был в предыстории моей церковной жизни один знаменательный эпизод. Дело было во второй половине семидесятых; мы жили тогда в Ленинграде на Крюковом канале, прямо напротив Никольского собора, и каждый год наблюдали пасхальное празднество из окна. Иногда к нам даже специально в этот вечер приходили в гости знакомые, тоже понаблюдать.

Некоторые люди не шли ближе к собору, а стояли с зажженными свечами напротив, прямо у нас под окнами. Но им крестный ход был не виден, а нам, сверху, виден. А если открыть форточку, то слышно и пение. В тринадцать лет я рисовала такую картинку: ночь, бледная луна в облаках, угол собора, согбенные черные фигуры, таинственные и мрачные, идут со свечами. Такой вот готический роман. Идут, между прочим, не в ту сторону — подобным деталям я значения не придавала.

Однажды года через два, а может, и через три, я возвращалась вечером из Мариинского театра с очередного спектакля. По толпе народа у собора, по огонькам свечей, горящих у людей в руках, я догадалась, что сегодня Пасха. Мне стало интересно; я решила подойти. Толпа была странная. Были возбужденные подростки, пытавшиеся хулиганить, были тихие тетеньки и были тетеньки взвинченные. Тогда я еще не догадалась, что это большей частью любопытные, а не верующие — как и я. Но почему все они торчат здесь — вполне понимала: кто ж не знает, что попасть в церковь на Пасху почти невозможно, для этого пришлось бы прийти с утра и целый день сидеть там внутри, потому что ближе к вечеру туда пускают только старушек. Чтобы не мешали посторонние, как я полагала. И теперь на воротах, ведущих к церкви, висел замок, а рядом стояли два милиционера и голосами, которые показались мне глумливыми, уговаривали народ расходиться по домам, идти смотреть телевизор. «Шестая серия начинается!» — выкрикивали они в рупор.

И тут среди разношерстной и не очень-то приятной этой толпы я увидела группу очень красивых молодых людей и девушек. Я поняла, что это иностранцы, но какие-то необычные, особенные. В них был какой-то свет. Они ходили вдоль ограды, растерянные, и явно что-то искали; как потом оказалось — вход. Они казались ненамного старше меня; мне вдруг страстно захотелось заговорить с ними, узнать, кто они, и понять, что же это такое в них сияет. По-английски я не говорила,

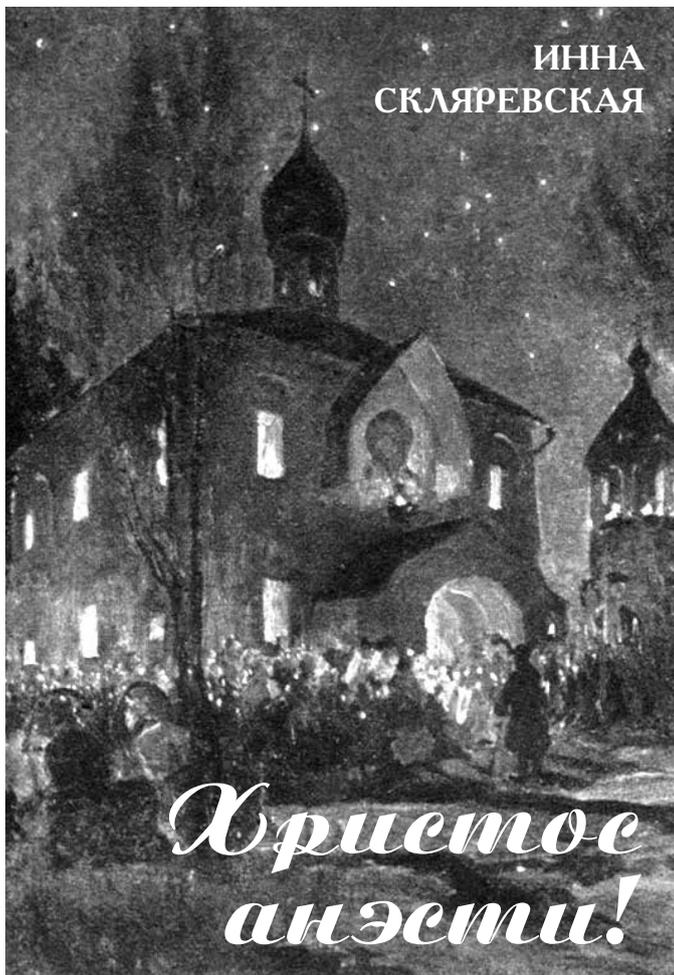
только по-французски; надежды, что они тоже понимают этот не самый распространенный в мире язык, имелось немного. Но вдруг произошло чудо. Одна из девушек заметила меня и быстро ко мне пошла. «Parlez-vous francais?» — спросила она. Я узнала, что они из Греции. «Как войти в церковь?» — спрашивала девушка, волнуясь. И тут я совершила страшный промах. Мысль о том, что эти молодые, прекрасные люди хотят войти в церковь, чтобы вместе с бабками праздновать

Пасху, не пришла мне в голову. Я решила, что их интересует интерьер собора и этнография русской церковной службы. «Сейчас, к сожалению, невозможно, — сказала я, — но вот когда служба кончится, вы сможете войти и все посмотреть. Или завтра». Девушка посмотрела на меня с изумлением и отошла. Вскоре часы на колокольне стали бить двенадцать. Греки встали в круг и зажгли свечи. И когда наступила полночь, запели пасхальный тропарь. Это было зрелище фантастическое. Темная ночь, светлый круг, прекрасные вдохновенные лица, освещенные свечами, божественное пение — и вокруг них другой круг, плотный и черный, мои соотечественники, обступившие их кольцом, полные напряжения и непонимания. Круг этот образовался сразу, как только молодые люди зажгли свечи, и сразу же характерные личности в

штатском, которых я к своим пятнадцати годам уже научилась различать в толпе, энергично протиснулись в первый ряд. Я стояла в черном кольце, и мне мучительно, до слез хотелось быть с этими молодыми греками. О том, что человеческий круг обладает мощной психологической силой, я узнала позднее, но тогда я испытала эту силу на себе. Мне было из черного круга не выйти.

Публика, собравшаяся вокруг запертого снаружи собора, была, повторяю, странной. Одна из женщин подскочила к грекам, толкнула девушек, задула у них свечки и истерически крикнула: «Христос воскрес, а вы тут поете!». Греки продолжали петь. И с каждой минутой все больше крепло чувство, что они с именем Христа стоят посреди враждебного богоборческого мира. Это ощущалось физически, и это было видно даже мне, ничего об этом тогда не знавшей.

Потом они кончили петь и стали христосоваться. «Христос анэсти!» — говорили они и целовались. Я видела их светившиеся лица и понимала, что радуются они не

ИННА
СКЛЯРЕВСКАЯ

*Христос
анэсти!*

житейской, а совсем другой, более высокой радостью. И, кажется, начинала понимать, чем именно так отличались они от нас и что за необыкновенный свет исходил от них в ту пасхальную ночь.

И тут они повернулись к нам. «Христос анэсти!» — сказали они черной, тревожной и настороженной толпе советских людей, плотно их окружавшей. Никто из нас им не ответил. «Христос анэсти!» — повторили они. А мы молчали. Не веря своим глазам, не веря своим ушам, они почти уже кричали — с надеждой, и с негодованием, и растерянно, и требовательно, и даже грозно, и с мольбой: «Христос анэсти! Христос анэсти!». Как мне хотелось им ответить! И я даже знала слова. Но язык одеревенел у меня во рту.

И вдруг из толпы, из черного круга вывернулся какой-то мужичонка. Невзрачный, мелкий, суетливый, даже, кажется, пьяненький, он решительно шагнул к грекам и крикнул: «Во истину воскрес!».

Они бросились к нему все. Они ликовали. Они целовали его. Они тискали его в объятьях. Сколько любви обрушили они на него! Не помню, горели ли еще их свечи, но что из нашего, черного, он перешел в их, светлый круг — это ощущение было явственным.

Я вообще не помню, как кончился этот эпизод: как все разошлись, как я пришла домой. Словно занавес опустился после самой главной финальной фразы, оставив меня переживать потрясение.

Помню только острую горечь от того, что не смогла преодолеть силу черного круга, не смогла ответить этим грекам и попасть к ним не смогла. Если бы я это сделала, жизнь моя преобразилась бы уже тогда. Но мне предстояло еще долгий путь к моему обращению. Крестилась я только через десять лет. Но все эти годы я помнила, как будет по-гречески «Христос воскрес».

foma.ru

СВЕЧА

Игорь Северянин

Пасха в Петербурге

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой,
Пахло вешнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.

Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно-веселою Пасхой,
Что вокруг колокольню гудела.

И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленную пахло доскою.

Из-за вымытых к празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.

Было сладко для чрева и духа.
Юность мчалась, цветы приколовши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и галоши...

Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность...

Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

1926

Ничего, кроме Родины

Б.М. Кустодиев. Автопортрет

Кто-то проживает в Российской Федерации, созданной официальными СМИ, кто-то мается в России оппозиционных политневротиков, а кто-то — самые счастливые — обитают в России, увиденной однажды русскими живописцами — Левитаном, Нестеровым, Кустодиевом...

Последняя есть скрытая Родина, земля обетованная русского народа. Увидеть ее — высший дар. Русский художник Борис Кустодиев несомненно обладал им. Его Россия кому-то может показаться надуманной, стереотипной, невзаправдашной, бесконечно наивной. Это от отсутствия зрения. Истинного зрения. От отсутствия чувства Родины. В картинах Кустодиева невидимая для глазного нерва обратная перспектива — не мы праздно, критично лицемерим «нехитрые» сюжеты Бориса Михайловича, а, напротив, Кустодиевская Русь, скрытая Родина, взирает на нас, как на «объективную реальность» — суматошных, горделивых обладателей «собственного мнения».

Ряд исследователей предполагают, что фамилия Кустодиев происходит от старославянского «кустод» — так называли сторожа, церковного привратника. Неизвестно, были ли дальние предки Бориса Михайловича церковными служителями, но его ближайшие родственники связали свои жизни именно с церковью. Дед служил дьяком в одном из сел Самарской губернии, по его стопам пошли и сыновья — Степан, Константин и Михаил. Учился в духовной семинарии и Борис Михайлович, но увлекся искусством и в 1896 году, оставив семинарию, уехал в Петербург и поступил в Академию художеств.

Любимой темой Кустодиева на долгие годы стала провинциальная Россия с ее народными гуляниями и цветастыми ярмарками и главными действующими лицами — жителями маленьких уютных городков.

Кустодиевские полотна узнаваемы сразу: яркие, красочные, с бьющей через край жизнью и множеством узнаваемых деталей. Когда он впервые увидел субботнюю ярмарку, он записал: «...это было умопомрачение по краскам — такое разнообразие и игра. Никакие эскизы, никакие фантазии не дадут ничего подобного — все так просто и красиво».

Художник Александр Бенуа был убежден, что «настоящий Кустодиев — это русская ярмарка, «глазастые» ситцы, варварская «драка красок», русский посад и русское село, с их гармониками, пряниками, расфуфыренными девками и лихими парнями».

В 1920 году Кустодиев по заказу И. Бродского создает серию «Русь»: 26 акварелей, каждая из которых до мельчайших подробностей рассказывает о жизни простых русских людей. Извозчик, пьющий чай в трактире, прогуливающийся по городу представительный купец в богатой шубе, спешащий исполнить поручение половой, читающий газету сундучник, расхваливающий товар веселый булочник — каждый становится неповторимой частью картинки, которая собирается в один огромный пазл под названием «Русь».

Борис Кустодиев по праву считается непревзойденным мастером портрета — этот жанр занял центральное место в его творчестве еще со времен учебы в Академии художеств. После появления первых работ на выставках публика оценила мастерство портретиста — посыпались частные заказы. Сам Кустодиев признавался, что эти заказы отвлекают его от неустанного поиска языка и стиля. Книжный иллюстратор Иван Билибин, историк и реставратор Александр Анисимов, поэт и художник Максимилиан Волошин — в каждом портрете Кустодие-

«Портрет Федора Шалыпина», 1912 г.

ву удалось уловить и донести до зрителя непростую суть человека. Но, пожалуй, самой знаменитой работой Кустодиева в этом жанре стал парадный портрет Шаляпина.

Правда, ряд исследователей (в том числе Валериан Богданов-Березовский) считают, что художник создал, скорее, сюжетную композицию, «в которой сам портрет, вынесенный на передний план, играет роль главного, но все же составного компонента». Интересно, что в нижнем левом углу Кустодиев изобразил дочерей Шаляпина, Марию и Марфу, прогуливающих в сопровождении секретаря артиста Исая Дворищина.

У ног Федора Ивановича — написанный с натуры любимый французский бульдог Ройка, которого заставляли «замирать» в нужной позе, сажая на шкаф кошку. Шаляпин восхищался «великим духом» Кустодиева и часто навещал его в петроградской квартире. Они вспоминали родную Волгу и пели душевные песни: серьезно и сосредоточенно.

Как известно, Кустодиев очень любил обогащать портреты «живым» фоном. Мы видим праздник жизни, балаган, гуляния на его автопортрете на фоне Троице-Сергиевой лавры и на знаменитом портрете Федора Шаляпина.

Над своими жизнерадостными картинами Кустодиев работал в крайне трудных условиях: в результате тяжелого заболевания он долгие годы был прикован к креслу-каталке, его мучили частые боли.

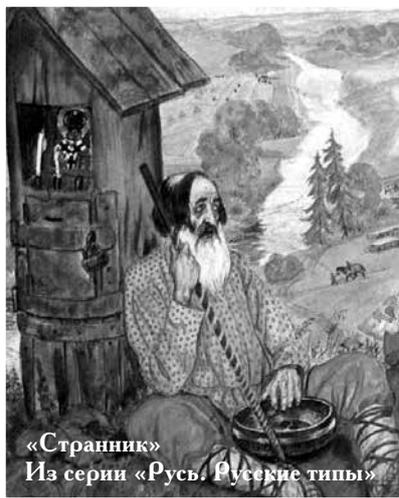
Несмотря на успешную операцию, в 1915 году боли вернулись — болезнь атаковала с такой жестокостью, что мастер не мог самостоятельно передвигаться. Он перенесет еще одну операцию, но до самой смерти так и останется прикованным к инвалидной коляске. Тем не менее, именно в этот период Кустодиев создаст самые яркие свои работы, наполненные бесконечным жизнелюбием и вихрем эмоций. На многих из них будет присутствовать неудержимая тройка, символизирующая движение — то, чего был лишен художник в жизни.

Не сломили Кустодиева и непрекращающиеся нападки коллег: футуристы ругали за нерешительность и нежелание «перерезать пуповину», которая связывала его с Репиным, декаденты определяли его работы как «безнадёжно ортографические», критики часто вспоминали «лубочность» полотен мастера, а в 20-е годы назвали «последним певцом купеческо-кулацкой среды». Но он до последних дней продолжал воспевать то, что было дорого его сердцу — красоту и щедрость русской земли.

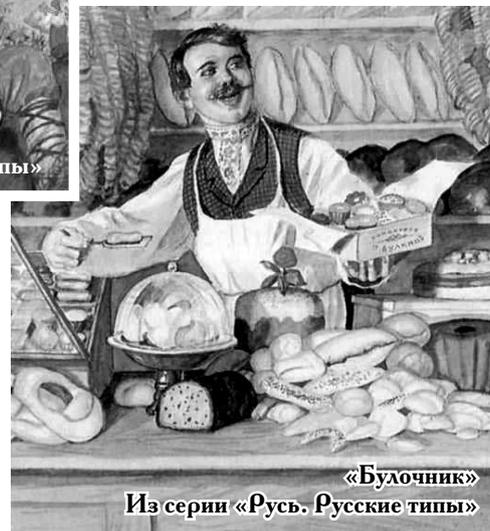
**А. Плешанов,
Ф. Шатрова
Кирилица.ру**

«Торговка овощами»
Из серии «Русь. Русские типы»

«Странник»
Из серии «Русь. Русские типы»

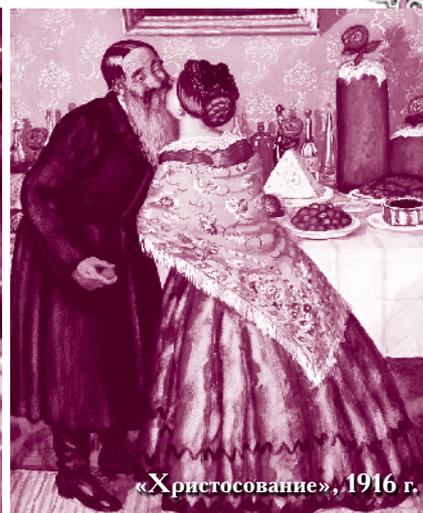
«Булочник»
Из серии «Русь. Русские типы»

«Ярмарка»

«Пасхальная ночь», 1917 г.

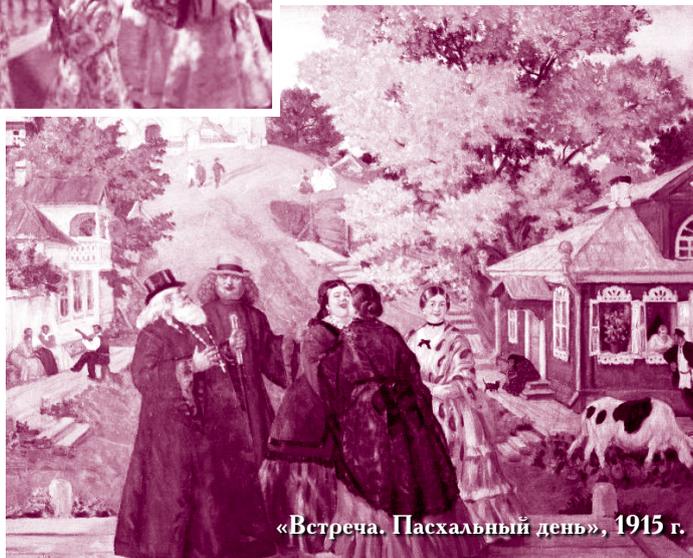

«Христосование», 1916 г.

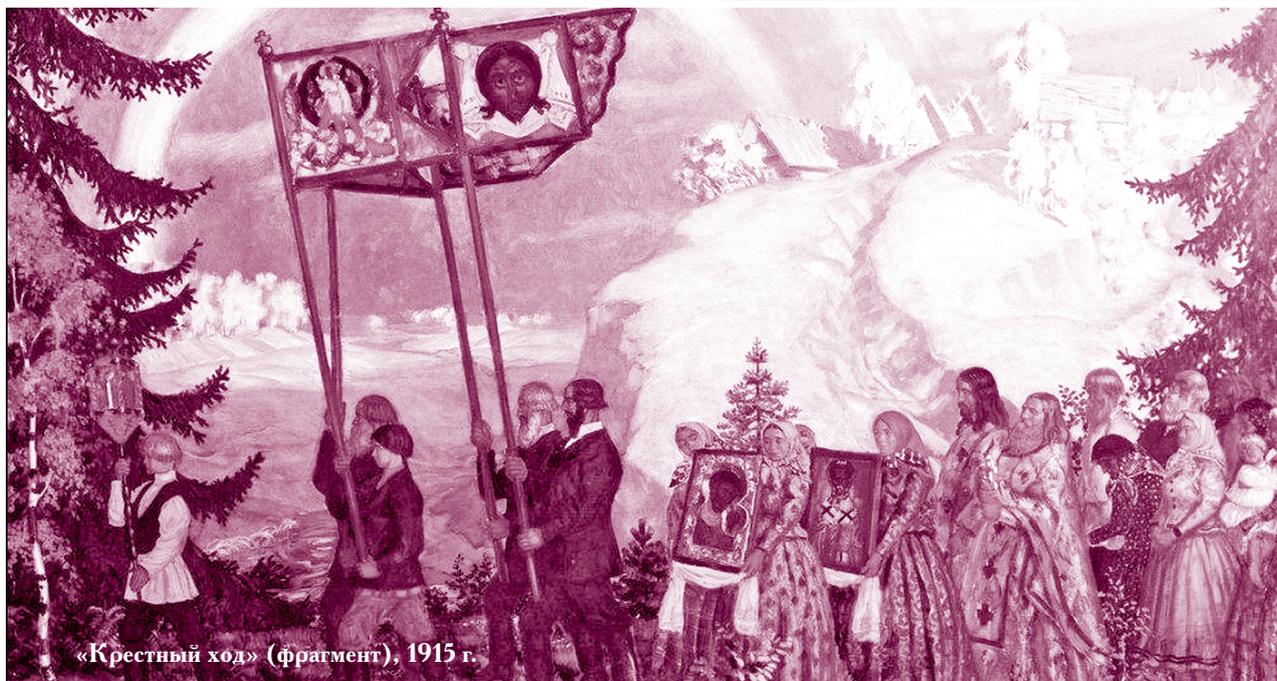
Пасха

в творчестве Б.М.Кустодиева

Борис Михайлович Кустодиев прошёл длинный путь от ученика церковноприходской школы до члена Союза русских художников. Но традиционный русский православный уклад, впитанный им с детства, прочно вошел в творчество художника. Его знаменитые яркие образы «ярмарок», «маслениц», «деревенских православных праздников» подобны красочным снам о навсегда ушедшей в прошлое старой купеческой России.

«Встреча. Пасхальный день», 1915 г.

«Крестный ход» (фрагмент), 1915 г.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина.

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81. Без ограничения по возрасту.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 09.04.15. Выход по графику 26.04.15

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.